

4. Москва.
7 мая 1926 года

«Время шло, и над повестью «Собачье сердце» сгустились тучи, о которых мы и не подозревали...»
Л.Е.Белозерская-Булгакова.
«О, мед воспоминаний»

По версии Любови Евгеньевны Белозерской, второй жены Михаила Булгакова, именно «Собачье сердце» послужило причиной обыска, который состоялся 7 мая 1926 года. В своих воспоминаниях, написанных спустя сорок лет, она описала это событие довольно талантливо, но не точно. Это, вероятно, свойство всех вообще воспоминаний...

Согласно протоколу обыска, «взято для доставления в ОГПУ следующие: 1. Два экземпляра, перепечатанных на машинке, «Собачье сердце»; 2. Три дневника: за 1921—23 и 25 годы; 3. Один экземпляр, отпечатанный на машинке, «чтение мыслей»; 4. «Послание Евангелисту Демьяну Бедному»; 5. Стихотворение В.Инбер (пародия Есенина)». Обыск проводил уполномоченный 5-го отд. СООГПУ Врачев.

М.Булгаков предпринимал многочисленные попытки вернуть свои дневники, резонно полагая и объясняя это в своих заявлениях, что эти дневники писательские и они ему нужны для работы. Аргументы Булгакова не подействовали, а возврат «Собачьего сердца» и дневников состоялся спустя три года по инициативе Е.Пешковой и М.Горького...

Вторую версию причины обыска придумал я, найдя бумагу ОГПУ, направленную А.В.Луначарскому по поводу репетиций во МХАТе пьесы «Белая гвардия» («Дни Турбиных»). ОГПУ это мероприятие не одобряло и ставило наркома просвещения об этом в известность. Но поскольку разрешение на репетиции и премьеру шло из более высоких инстанций, возможности наркома проявились в созыве экстренного заседания коллегии Наркомпроса и запрещении дальнейшего распространения опасной пьесы и других того же автора...

Права оказалась М.Чудакова, давно указавшая на то, что причиной обыска у М.Булгакова было закрытие (окончательное — в 1926 году!) журнала «Новая Россия» и высылка его

Григорий Файман

Лубянка и Михаил Булгаков

Никитинские субботники. С картины К.Юона. 1930.

основателя — редактора И.Лежнева. Ее правоту подтверждает письмо Г.Ягоды В.Молотову по поводу сменовеховцев, в группу которых был зачислен (как автор журнала) и Михаил Булгаков:

7 мая 1926 г.

Строго секретно.

В ЦК ВКП(б) тов.Молотову

В развитие нашей докладной записки от 5 сего Мая за №3446 и во исполнение постановления Политбюро от 5 мая, считаем необходимым произвести следующие мероприятия:

1. Экономический зажим Сменовеховского объединения путем закрытия издательства «Новая Россия» и конфискации его имущества как главной экономической базы и самого удобного пути для выработки и распространения новых идеологий.

2. Предложение Главлиту не допускать впредь публичных лекций, рефератов, выступлений сменовеховцев, подобных рефератов Ключникова как приобретающих неизменное значение политических демонстраций и являющихся ничем не прикрытой формой пропаганды чуждой нам идеологии.

3. Для успешности означенных мероприятий и завершения разгрома Устряловско-Лежневской группы сменовеховцев произвести обыски без арестов у нижепоименованных 8-ми лиц, и по результатам обысков, о которых будет Вам доложено особо, возбудить следствие, в зависимости от результатов коего выслать, если понадобится, кроме Лежнева и еще ряд лиц по следующему списку.

1. Ключников Юрий Вениаминович, проф. 1 МГУ, научный сотрудник Коммунистической Академии. 2. Потехин Юрий Николаевич, литератор, юрист-консультант Акционерного об-ва «Тепло и Сила». 3. Тан-Богораз Владимир Германович, научный работник Академии Наук. 4. Адрианов, проф. Ленинградского университета. 5. Редко А.М., проф. Ленинградского университета. 6. Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович, литератор. 7. Булгаков Михаил Александрович (так в тексте. — Г.Ф.), литератор. 8. Устрялов Михаил Васильевич, литератор (брат Н.В. Устрялова).

ЗАМПРЕДОГПУ (Ягода)

P.S. Нам чрезвычайно важно произвести обыски одновременно с за-

крытием «Новой России», ввиду этого прошу, те мероприятия, если будут одобрены Вами, — провести согласование опросом.

Г.Ягода.

Догадка М.Чудаковой тем еще замечательна, что письмо это удалось опубликовать только в самом конце 1994 года. А сам М.Булгаков искренне ненавидел сменовеховскую братию и себя к ней не причислял. Но «наверху» смотрели иначе.

5. Москва.
22 сентября 1926 года

«В нескольких местах пришлось слышать, будто Булгаков несколько раз вызывался (и даже привозили) в ОГПУ, где по 4—6 часов допрашивался. Многие гадают, что с ним теперь сделают — посадят ли в Бутырки, вышлют ли в Нарым или за границу».

Информсводка от 18.10.26 г.

«О.Г.П.У.
Отдел Секретный.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1926 г. сентября мес. 22 дня, я Уполном. 5 отд. секр. Отдела ОГПУ Гендин допрашивал (...) Булгакова М.А. и на первоначально предложенные вопросы он показал (далее уточненные вопросы)...

Партийность и политические убеждения.

Беспартийный. Связавшись слишком крепкими корнями со строящейся Советской Россией, не представляю себе, как бы я мог существовать в качестве писателя вне ее. Советский строй считаю исключительно прочным. Вижу много недостатков в современном быту и благодаря складу моего ума отношусь к ним сатирически и так и изображаю их в своих произведениях. (...)

Показания по существу дела.

Литературным трудом начал заниматься с осени 1919 г. в гор. Владикавказе, при белых. Писал мелкие рассказы и фельетоны в белой прессе. В своих произведениях я проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской России. С Освагом связан не был, предложенный о работе в Осваге не получал. На территории белых я находился с августа 1919 г. по февраль 1920 г. Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением. В момент прихода Красной Армии я находился во Владикавказе, будучи болен возвратным тифом. По выздоровлении стал работать с Соввластью, заведую ЛИТО Наробраза. Ни одной крупной вещи до приезда в Москву нигде не печатал. По приезде в Москву поступил в ЛИТО Главполитпросвета в качестве секретаря. Одновременно с этим начинал репортаж в московской прессе, в частности в «Правде». Первое крупное произведение было напечатано в альманахе «Недра» под заглавием «Дьяволиада», печатал постоянно и регулярно фельетоны в газете «Гудок», печатал мелкие рассказы в разных журналах. Затем написал роман «Белая гвардия», затем «Роковые яйца», напечатанные в «Недрах» и в сборнике рассказов. В 1925 г. написал повесть «Собачье сердце», нигде не печатавшаяся. Ранее этого периода написал повесть «Записки на манжетах».

Записано с моих слов верно. М.Булгаков. (...)

(Обрез верх листа) ...были напечатаны «Дьяволиада» и «Роковые яйца». «Белая гвардия» была напечатана только двумя третями и недопечатана вследствие закрытия, т.е. прекращения толстого журнала «Россия».

«Повесть о собачьем сердце» не напечатана по цензурным соображениям. Считаю, что произведение «Повесть о собачьем сердце» вышло гораздо более злым, чем я предполагал, создавая его, и причины запрещения печатания мне понятны. Очеловеченная собака Шарик — получилась с точки зрения профессора Преображенского отрицательным типом, т.к. подпала под влияние фракции. Это произведение я читал на «Никитинских субботниках», редактору «Недр» — т.Ангарскому и в кружке поэтов у Зайцева Петра Никаноровича и в «Зеленой Лампе». В «Никитинских субботниках» было человек 40, в «Зеленой Лампе» человек 15, и в кружке поэтов человек 20. Должен отметить, что неоднократно получал приглашения читать это произведение в разных местах и от них отказывался, так как понимал, что в своей сатире пересолит в смысле злости и повесть возбуждает слишком пристальное внимание.

Вопрос: Укажите фамилии лиц, бывающих в кружке «Зеленая лампа».

Ответ: Отказываюсь по соображениям этического порядка.

Вопрос: Считаете ли вы, что в «Собачьем сердце» есть политическая подкладка?

Ответ: Да, политические моменты есть, оппозиционные к существующему строю.

М.Булгаков. (...)

(Автограф М.Булгакова): На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать.

Из рабочего быта мне писать трудно, я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо. Да и интересуюсь я им мало и вот по какой причине: я занят. Я остро интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным словом в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги.

Значит, я могу писать только из жизни интеллигенции в Советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою по-видимому остро задавают общественно-коммунистические круги.

Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу! Отрицательные явления жизни в Советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я — сатирик).

22 сентября 1926 г. Михаил Булгаков.

Продолжение следует.